

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ - СИБИРЬ

8 Дек 1981

г. Новосибирск

ТВОРЧЕСКИЙ
ПОРТРЕТЧУДЕСНЫЙ МИР
ДЕТСТВА

...Маленькая, по-тифозному коротко остриженная девочка, не поднимая на окружающих огромных глаз, безразлично и устало переживала, когда французский профессор закончит благодарственную тираду советскому офицеру. Она слушала и не понимала, глядела и не видела, оглушенная вечным недоделанием и привычной усталостью. Но вот отец подал знак, бывшая ученица училища изящных искусств послушно приняла балетную позу и... Этот мгновенный бросок от бесчувствия и заторможенности к дежурной пикантности канкана «для господ офицеров» стал не просто блестящим эпизодом в спектакле ТЮЗа «Соловиная ночь». В этом эпизоде в исполнении Тамары Бисеровой не только сверкнула искрой прелестная одаренность Зизи, опаленная дыханием мировой войны, но даже, можно сказать, отразилась судьба европейской культуры под сагогом фашизма.

Мне кажется, Бисерова на сцене может все. Все умеет. Владеет всеми сценическими красками. Ее игра многооттеночна, разнообразна по приемам. Но всегда приемы эти — производное не только от творческой задачи данной роли, а и от внутренней темы ее творчества. Эта тема — мир детства, воплощенный во всем его многообразии и сложности.

Дети Тамары Бисеровой разные, живущие в разные времена. В разных странах. Но роднит их одно — детская, неуловимая серьезность взгляда, проступающая даже сквозь свойственную возрасту наивность. Детство ее героев не безмятежно, судьбы их подчас исключительны.

Малыш из спектакля по повести А. Линдгрен, пожалуй, самый благополучный из ребенка. Но если кто и склонен видеть его милым, здоровеньким крепышом, отдающим всего себя дружбе и не требующим ничего в ответ, то только не Т. Бисерова. Вместо заласканного малыша перед нами ребенок неухоженный, тоскующий по теплу и «обратной связи». Свою задачу актриса видит в том, чтобы беречь совесть взрослых, напоминать им о том, как часто благополучный с виду ребенок бывает глубоко одиноким среди занятых своими делами взрослых. Как тоскует он по «ненормированному» сердечному теплу и участию...

В жестком и суровом современном мире детство нуждается в защите не только в сфере семьи и быта, как в «Мальше и Карлсоне», но и — по самому большому счету — на рубежах философских столкновений. Это мы ощущаем, встретившись с другим героем Т. Бисеровой — мальчиком, переброшенным в результате научного эксперимента из доисторических времен в век господства технократии (спектакль «Тимми — ровесник мамонта»). Самый драматический момент в жизни ее Тимми — сцена телевизионной передачи, устроенной предпринимчивым дельцами. Вначале взгляд «ровесника мамонта» — доброже-

лательный взгляд неведения. Но по мере того, как на телеэкране нарастает шумиха и сенсационность, Тимми все более внутренне настораживается. И мы почти физически ощущаем, как в его неандертальской голове медленно, но верно зарождается догадка о том, что рафинированный ученый Хоскинс и все эти вертлявые репортеры гораздо страшнее тех, кто там, в прошлом неандертальском мире Тимми, ел мясо руками и добывал огонь трением. Так Тимми постигает свою меру идеологических обобщений: как сказал поэт, «все процессы реакционны, если рухнет человек».

Не только эту чашу приходится испытать детям Т. Бисеровой. На долю двух ее героинь выпадает столкновение с самой страшной, самой мрачной силой — фашизмом. Но хрупкий мир детства, который, казалось бы, так легко обидеть, распотать, — это та неопалимая купина, которую все же не истребить этой, сегодня еще представляющей реальную угрозу, силе. Настенька из блокадного Ленинграда похожа на народных героинь — недаром ее имя звучит в сказочном, фольклорном ключе. Судьба города, народа полностью оградилась в судьбе маленькой девочки, которая даже ветку дерева, сломанную снарядом, перевязывает, как медсестра на фронте раны бойцу.

Мария-Корнелия, своевольная дочь диктатора в «Талантах и полковниках» Г. Полонского, уже исковеркана девятой атмосферой, принесенной в ее страну политическим режимом хунты. Сквозь взбалмошность Марии-Корнелии и ее прекраснородные порывы просматривается ответ деспотической власти, осуществляемой ее отцом. Но росток детства пробивается и сквозь эту почву. Кажется, вот Мария-Корнелия, разгневанная на художника, разбравшего ее, дочь палача своего народа, в виде скорпиона, не преминет использовать карательные возможности власти. Но когда ее, нечаянно уснувшую прямо на ковре, будит и подхватывает на руки затаенный в портупею «гувернер», Мария-Корнелия неожиданно потягивается спросонок, как котенок. И мы с облегчением видим: она еще совсем ребенок и пока способна стать сознательным вершителем тирании. Росток не сдающего себе позиции детства — и в побеге этой девочки из дворца, и в ее отчаянном крике вдогонку удаляющимся любимого сказочника карабинерам: «Филипп Ривьер! Филипп Ривьер!».

Вот таким может быть детство в исполнении Тамары Бисеровой — своеобразным духовным талисманом, всю жизнь охраняющим человека от сил распада и тления, от компромиссов и отступничества. А значит, есть повод, рассказывая о детстве, не только тревожить, но и радовать! Вот почему актриса — выразительница не только драматических

сторон детства. Ей блестяще удаются и лирика, и юмор. Вспомним, например, дочь агронома из спектакля областного театра драмы «Деньги для Марии». Недотрога с белыми бантами в косах, со строгим взглядом больших глаз, влетающая в дом Кузьмы и Марии, она аккуратно расправляет складочки форменного платья, опускается на табуретку и обиженно растягивает слова: «Скажите вашему Витьке, чтобы он за мной не ходил!». Нет предела ее гордому негодованию на обидчика. И невозможно сдерживать улыбку, увидев ее разочарование в ответ на твердое обещание Кузьмы принять меры, чтобы Витька на нее больше не взглянул ни разу. Это лукавое наблюдение актриса подает нам с любовью и теплом к своей героине...

В «Родительской субботе» А. Яковлева для Бисеровой, исполняющей роль девятиклассницы Натальи Величкиной, вся «школьность» роли — лишь условный внешний антураж. Не случайно длинное модное платье, в котором она появляется на сцене, заставляет вспомнить Джульетту. Но это не костюмировка, не роль, взятая на себя девятиклассницей. Актриса относится к этой истории без снисхождения, сносканья и насмешки. И рассказывает нам ее серьезно и увлеченно, страстно и щедро, весело и торжественно. Навязная вера Натальи в своего избранника — не детскость, а часть большой и мудрой веры в свет, в добро, в жизнь, в человечность. Не случайно подарок Натальи Валету — обыкновенная футболка — воспринимается как сказочный дар какому-нибудь Ивану-царевичу. И не случайно возникающая в спектакле тема духовного материнства Натальи по отношению к Валету. Любовь ученицы девятиклассника — не подростковая эпидемия поклонения своему кумиру, а любовь, достойная легенд и возвышенных преданий.

Кстати, сама Т. Бисерова считает, что сегодня театр мало окружает ребенка любовью. Театр, по ее мнению, мог бы быть сегодня не только отображающим зеркалом, но и прямым источником добра, тепла и света. Вспомним, как много значит для самой трагической ее героини — Настеньки краткий эпизод мира: громкая и веселая музыка, яркие игрушки, карнавальные маски, кружащиеся в танце. И сама Настенька, стоя на стуле, прижимает ладони к пылающим радостью щекам, счастливо смеется, повторяя слова детской песенки. В этом мире, не развернутом подробно в спектакле, но глубоко прожитом актрисой, особый смысл, источник удивительной нравственной силы этой девочки.

Оправдана ли такая щедрость? Такого вопроса для этой актрисы просто не может возникнуть. Своим героиням она отдает себя всю до конца.

Л. ГЕРАСИМОВА.